

Июнь затапливал город X душным маревом.

На лакированном дереве стола настырно вибрировал мобильник. Вэй Цзинъань лениво протянул руку, скользнул взглядом по экрану и небрежно нажал на кнопку приема.

— Алло?

— Слыхал, тебя поперли из «Гигантской звезды»? — Динамик отозвался сонной, издевательской усмешкой. — Ну что, может, поревешь мне в жилетку, а я подумаю, не взять ли тебя обратно? Ты же понимаешь...

Вэй Цзинъань поморщился, пропустив колкость мимо ушей, и промолчал. В этот момент в дверь коротко и бесцеремонно постучали.

Прежде чем хозяин кабинета успел хотя бы ответить, створка распахнулась.

— Брат Вэй, доброго денечка, — ввалившийся в комнату тип даже не попытался изобразить приличие. — Часы-то тикают, а вы все не уходите. Что такое, неужто так к насиженному креслу прикипели?

Вэй Цзинъань лишь едва заметно усмехнулся.

— Обойдусь, — сухо бросил он в трубку и сбросил вызов.

Сгреб со стола уже упакованный ноутбук и, даже не взглянув на незваного гостя, чья физиономия начала стремительно наливаться багровой краской от столь откровенного игнорирования, бросил:

— Дай пройти. Потеснись-ка, а то больно много места занимаешь.

Тот лишь ошарашенно захлопал глазами. Лицо вошедшего пошло уродливыми красными пятнами, но через секунду он все же сквозь зубы процедил проклятие и нехотя отступил, освобождая проход.

Стоило Вэй Цзинъаню переступить порог кабинета, как на него со всех сторон посыпались чужие взгляды. В них мешалось всё: злорадство, едкое любопытство, фальшивая жалость.

Впрочем, удивляться тут было нечему.

Вэй Цзинъаню едва перевалило за тридцать, но он уже прочно закрепил за собой статус одного из лучших, ас-менеджеров индустрии. Пусть число его подопечных никогда не исчислялось

десятками, именно он стоял у истоков «Гигантской звезды». Помнил времена, когда компания была лишь жалкой конторкой, едва сводившей концы с концами, и своими руками выстроил этот колосс. Его авторитет и заслуги были непререкаемы.

И самое главное — именно он выпестовал главную гордость агентства, Небесного царя Ю Жуйбая. Не будь Вэй Цзиньаня, не будь его адского труда и железной хватки, и сама «Гигантская звезда», и капризный Небесный царь Ю так и остались бы безвестно прозябать на задворках шоу-бизнеса.

Но на самом пике карьеры грянул гром. Внезапный скандал — грязные слухи о тайной связи с собственным подопечным — мгновенно разлетелся по всем таблоидам, подняв бурю. И руководство не нашло ничего лучше, кроме как избавиться от заслуженного ветерана, заодно расчистив теплое местечко для нового фаворита. Ирония судьбы, заставляющая лишь тяжело вздыхать.

Хотя истинные причины этой рокировки... Ну конечно.

Коллеги переглядывались, обмениваясь многозначительными смешками. В этих заговорщических ухмылках сквозило откровенное презрение. Но, поскольку уходящий все еще оставался их бывшим боссом, ради приличия и жалких остатков субординации они старались держать лицо и не плевать ему в спину открыто.

Шоу-бизнес перемалывал и не таких — подобные грязные истории случались здесь сплошь и рядом. К ним можно относиться с брезгливостью, можно закрывать на них глаза, но глупо отрицать очевидное.

В этот раз, впрочем, великий менеджер явно шел ко дну без шансов на спасение. Все прекрасно помнили, как вчера в гневе метался генеральный директор: обрывал телефоны, строчил один приказ за другим, явно вознамерившись стереть Вэй Цзиньаня в порошок и навсегда перекрыть ему кислород в индустрии.

Каким бы гением ты ни был, если решишь пойти наперекор одному из крупнейших медиагигантов страны, тебя просто раздавят.

Вэй Цзиньань, казалось, этой удушливой атмосферы попросту не замечал. Он шел впереди уверенным, размашистым шагом, а следом плелся его мрачный, как туча, ассистент. Дорога вела прямиком в кабинет генерального директора.

Распахнув массивную дверь, Вэй Цзиньань столкнулся взглядом с людьми, чьи повадки и лица он успел изучить до тошноты за долгие годы совместной работы. Беглый осмотр — и на секунду он заметил Ю Жуйбая. Тот смотрел на своего бывшего покровителя со злобным, загнанным отчаянием. Вэй Цзиньань спокойно отвел глаза, словно перед ним пустое место.

— Директор Сяо.

Он обратился к мужчине средних лет, который сидел в глубоком кожаном кресле, погруженный в свои мысли.

Тот вздрогнул, мгновенно стряхнул с себя оцепенение и уставился на вошедшего тяжелым, нечитаемым взглядом. Сяо Ци долго молчал, словно подбирал правильные слова для прощания с человеком, который тащил эту компанию на своем горбу с первого дня. Наконец он заговорил, и в тишине кабинета прозвучал ровный, лишенный тепла голос:

— Решение совета директоров у тебя на руках?

— Да, — лаконично ответил Вэй Цзинъань.

— Вопросы? Претензии?

— Никаких. — Вэй Цзинъань тихо, безмятежно рассмеялся. — Да и какой в них смысл, даже если бы они и были?

— Вот и славно, — кивнул Сяо Ци и достал из ящика стола плотную папку с договором. — Учитывая твои прошлые заслуги перед агентством, лично я не стану требовать возмещения колоссальных убытков, которые компания понесла из-за твоей халатности. Но ты должен понимать одну вещь...

— Мы — публичная компания, акции на бирже, и всё решать единолично вы не можете... Верно? — легко перебил его Вэй Цзинъань.

Сяо Ци сухо подтвердил:

— Именно так.

— Люблю честный разговор без уверток, — насмешливо хмыкнул Вэй Цзинъань. — Кто бы сомневался, директор Сяо, вы всегда зрите в корень. Правда, аннулировать мою лицензию агента — это вы, конечно, завернули мощно. Чистая работа, комар носа не подточит.

Сяо Ци промолчал, не став спорить. Зато стоящий поодаль преемник тут же влез, стремясь выслужиться перед боссом:

— Сяо Вэй, ну зачем же так утрировать? То, что ты устроил — вопиющий прецедент. Удар по репутации ведущих артистов, колоссальные финансовые потери для всей группы компаний! Ты перешел черту, нарушил базовые этические нормы нашей профессии. То, что тебе позволили отделаться лишь штрафом и лишением лицензии — это еще верх милосердия...

Вэй Цзинъань окинул оратора насмешливым взглядом. Надо признать, этот тип, Линь Хайюй,

обладал всеми повадками породистой гиены — неудивительно, что совет директоров так вцепился в него и поспешил назначить на освободившееся кресло директора департамента управления артистами.

— Смешно, — Вэй Цзинъань лениво улыбнулся.

Линь Хайюй мгновенно осекся, его лицо потемнело от ярости.

— Ты...

— Хватит соплей, закончили, — Вэй Цзинъань взвесил в руке дорожную сумку и небрежно закинул ремень на плечо. — Директор Сяо, я прекрасно понимаю, что сам вырыл себе эту яму. Винить некого. Так что не тратьте воздух зря, красноречие вашего протеже у меня уже в печенках сидит.

— Штраф я выплачу до последнего цента, бегать от вас не собираюсь. Дела передам как положено — считайте это моим прощальным подарком конторе.

Он легко поднялся со стула, даже не думая дожидаться ответа или подписывать кипу бумаг, и направился к выходу с видом человека, уходящего на заслуженный отдых.

Линь Хайюй так и застыл с открытым ртом. Вся его спесь и заготовленные ядовитые шпильки разом испарились перед этой обезоруживающей легкостью. Сяо Ци же, знавший Цзинъаня слишком много лет, лишь проводил его долгим, тяжелым взглядом. Когда рука изгнанника легла на дверную ручку, директор негромко произнес:

— Не держи зла на компанию.

Вэй Цзинъань сухо кашлянул и, не оборачиваясь, лишь пренебрежительно махнул ладонью, после чего тихо прикрыл за собой дверь.

Скрип ножек стула по дорожному паркету прозвучал подобно выстрелу. Линь Хайюй, еще не успевший перевести дух, испуганно вздрогнул, когда Ю Жуйбай резко, одним движением поднялся с места. Взглянув на бледное, искаженное злостью лицо главного каприза агентства, новоиспеченный директор мысленно взвыл.

Характер у этого мальчишки был паршивый — за долгие годы в шоу-бизнесе Хайюй повидал всякого, но с подобным стихийным бедствием сталкивался впервые. Перепады его настроения от сияющего солнца к грозовым тучам происходили за доли секунды. Оставалось лишь диву даваться, как Вэй Цзинъань умудрялся годами сдерживать эту пороховую бочку, не сойдя с ума. Линь Хайюй, безусловно, гордился тем, что наконец-то утер нос бывшему боссу и забрал его главного артиста, но уже сейчас предвкушал, сколько седых волос принесет ему этот триумф.

И вот — началось.

Линь Хайюй со вздохом шагнул вперед, собираясь успокоить звезду, пока тот сгоряча не сорвал вечерние съемки, но опоздал. Ю Жуйбай, не глядя ни на нового агента, ни на генерального директора, рванул к выходу с такой скоростью, словно собирался догнать и придушить Вэй Цзинъаня прямо в коридоре.

— Я сейчас, — бросил он на ходу и вымелся вон.

Оглушительный грохот захлопнувшейся двери заставил Линь Хайюя окончательно онеметь от возмущения.

Ю Жуйбай нагнал беглеца у лифтов. Тот, как и ожидал юноша, подпирал стену с самым скучающим видом, дожидаясь кабины. Увидев запыхавшегося певца, Вэй Цзинъань даже не нахмурился — лишь мягко, лениво улыбнулся:

— О, надо же, решил проводить?

Ю Жуйбай угрюмо буравил его взглядом, тщетно пытаясь разглядеть на лице бывшего наставника хоть тень обиды или затаенной злобы. Но Вэй Цзинъань выглядел вызывающе спокойным — ни капли надлома, ни капли сожаления.

Это взбесило Жуйбая еще сильнее. Он демонстративно отвернулся, процедив сквозь зубы глухое рычание.

Вэй Цзинъань хмыкнул, ничуть не задетый его молчанием:

— Слушай, ты же сам годами ныл, как я тебе надоел. Теперь ты наконец свободен от моего тотального контроля, этот проклятый хомут сброшен. Радоваться надо, шампанское открывать! Чего физиономию-то кривишь, для кого этот спектакль?

— Да какое тебе, к черту, дело?!

Слова Вэй Цзинъаня попали точно в цель — Жуйбая буквально затрясло от ярости, а красивое лицо исказилось неприглядной гримасой. Благо на этаже руководства посторонних не водилось, и эту вспышку гнева некому было запечатлеть для прессы.

— Вот, уже лучше, узнаю старого доброго Жуйбая, — Цзинъань хмыкнул, его ничуть не пугала эта истерика. Он шагнул ближе и по-хозяйски похлопал парня по плечу. — Сколько раз тебе повторять: взрослей уже, хватит пороть горячку по любому поводу. Раньше я прикрывал твои тылы, а теперь няньки не будет. Смотри не угробь карьеру окончательно.

— Обойдусь без твоих бредней, — огрызнулся Ю Жуйбай, сбрасывая его руку. — Знаешь, что меня бесит больше всего? Твоя вечная фальшивая забота. Тошнит уже от нее.

Он смерил бывшего агента брезгливым взглядом сверху вниз и отвернулся:

— А ты посмей сказать, что не врал мне все это время! Что не лил мне в уши эту сладкую чушь только ради собственной выгоды?!

— Ладно, ладно, ты кругом прав, а я чудовище, — вздохнул Вэй Цзинъань. Спорить с упрямым бараном, который сознательно выворачивал любую заботу наизнанку, было выше его сил. Да и зачем? Он больше не обязан разгребать этот детский сад.

Цифры на табло над дверями лифта моргнули алым, кабина замерла, и створки с негромким шипением разъехались в стороны. Вэй Цзинъань легко шагнул внутрь, оставив Жуйбая кипеть от злости на площадке.

В конце концов, он не мазохист. Свои обязательства перед этим неблагодарным парнем он выполнил сполна, а навязываться и портить себе настроение в последний день не собирался.

Цзинъань быстро нажал кнопку закрытия дверей. Створки послушно поползли навстречу друг другу. Ю Жуйбай дернулся вперед, явно не договорив, но было поздно — лифт отрезал его от уходящего глухой стальной стеной.

Оставшись один в пустом коридоре, несостоявшийся обличитель глупо захлопал глазами. Через мгновение до слуха Вэй Цзинъаня донесся глухой металлический удар — Жуйбай с досады со всей силы пнул закрывшуюся дверь лифта, а следом раздался болезненный, приглушенный стон.

«Я же говорил — дурак ты несусветный, а всё не веришь», — покачал головой Вэй Цзинъань, едва сдерживая смех. Он прислонился спиной к зеркальной стене кабины и расслабился, наблюдая, как на табло сменяются этажи.

Когда на экране загорелась единица, он вышел в вестибюль первого этажа спокойной, твердой походкой. Никто бы и подумать не мог, что этого человека только что с позором выставили на улицу. Ни тени растерянности, ни капли злобы или унижения — на его лице не осталось и следа тех чувств, что обычно ломают неудачников.

Вэй Цзинъань вышел из стеклянных дверей небоскреба и замер на ступенях, глядя на знакомый до боли фасад. На мгновение его захлестнула волна глухой тоски и горечи расставания, но следом пришло неожиданное, пьянящее чувство облегчения.словно тяжелая плита наконец сползла с его груди.

Он постоял так пару минут, щурясь на яркое летнее солнце, а затем привычно, лениво

улыбнулся и уверенно зашагал прочь, не оборачиваясь.

Прощай, «Гигантская звезда».

Прощай, дом, которому он отдал лучшие десять лет своей жизни.

<http://bllate.org/book/20166/2111906>